

Глава 9: Вечная лампа

—

Руки Се Чжуй, изначально предназначенные для управления собственной судьбой, в конце концов, были вынуждены Сяо Шанем схватить его за плечи, и с силой инерции перевернуться вверх.

Если Сяо Шань отказывался отдать ему подарок, он шёл и брал его сам.

В одно мгновение он оказался сверху на Сяо Шане, тот слегка качнулся и, глядя на Се Чжуй с необычайно острым выражением лица, приподнял бровь.

Се Чжуй издал глухой стон, наклонился и впился в губы Сяо Шаня, заткнув ему рот. Сяо Шань по ночам всегда был раскрепощён, флиртующие слова слетали с его языка легко, можно сказать, насколько он был серьёзен днём, настолько он был несдержанным ночью.

Се Чжуй не мог ни сравниться с ним, ни ответить на его слова, поэтому ему оставалось только заткнуть ему рот, чтобы тот не мог говорить.

Сяо Шань потакал ему, иногда двигаясь, чтобы помочь ему.

—

В последующие несколько дней в столице и за ее пределами царил покой.

Се Чжуй не был традиционным героем, который умеет вышивать и шить одежду. Ему нравится владеть клинками и копьями. Вначале, не зная ситуации, он мог сдерживать свой характер, оставаясь в поместье князя, тщательно проверяя счета и управляя слугами, будучи квалифицированным Ван Цзюнем.

После нескольких дней общения и наблюдений он обнаружил, что Сяо Шань действительно не собирается ограничивать его свободу, а наоборот, весьма поощряет его заниматься тем, что ему нравится. К тому же, в эти два дня ему было так скучно, что он буквально превращался в гриб. В конце концов, Се Чжуй всё же переделался в чёрный облегающий костюм и хорошенько потренировался на заднем дворе, сильно вспотев.

Здесь не было клинков и копий, поэтому он упражнялся с веткой, а Сяо Шань, прислонившись к столбу, наблюдал.

Когда он закончил, Сяо Шань захлопал в ладоши, выразив своё одобрение.

Се Чжуй отбросил ветку и подошел к Сяо Шаню. Его глаза ярко горели, лоб был покрыт потом, влажные пряди волос прилипли ко лбу, а его красивое лицо слегка покраснело от физической нагрузки.

Его дыхание было учащенным, и он немного задыхался.

Сяо Шаню очень нравился Се Чжуй в этом наряде: обтягивающая черная одежда облегла его тело, идеально демонстрируя линии верхней части туловища. Сильная, но необычайно тонкая талия, изящные лопатки...

Только прямые и длинные ноги были скрыты под одеждой.

Но это не имело значения, Сяо Шань оценивал Се Чжуйа восхищенным взглядом; он мог видеть и ощущать его форму и линии каждую ночь.

Се Чжуй изначально хотел что-то сказать, но, увидев взгляд Сяо Шаня, он вдруг забыл свои слова. Взгляд Сяо Шаня заставил его почувствовать опасность, невольно вспомнив о некоторых жарких ночах.

У Се Чжуйа пересохло во рту, он невольно облизнул губы. Затем он увидел, как Сяо Шань поправил ему воротник, и сказал мягким голосом: «На улице ещё не совсем жарко, ты вспотел, иди прими ванну».

Се Чжуй резко отступил на шаг, сказал «хорошо» и поспешно ушел.

Немного растерянный, словно спасающийся бегством.

Сидя в банной кадучке, высунув только голову, Се Чжуй плеснул водой себе на лицо.

Когда он растирал кожу ниже шеи, он слегка замешкался, и его рука остановилась.

Несмотря на то, что он провёл с Сяо Шанем всего несколько дней, он изменился, стал более склонным к размышлениям.

Только что рука Сяо Шаня коснулась его тела, и это было совершенно естественное движение, но он почувствовал, что тот намеренно потерся о его ключицу, заставив его вздрогнуть.

Подумав об этом, Се Чжуй резко погрузил голову в воду.

Он не понимал Сяо Шаня; тот, казалось, был очень доволен его телом.

Честно говоря, его тело было некрасивым, не тонким и не белым, и на нем было много больших и маленьких шрамов. Сяо Шань обычно игнорировал эти шрамы, но в особые моменты он целовал эти очень чувствительные шрамы один за другим.

Поскольку он этого не понимает, значит, не будет об этом думать.

Задержав дыхание под водой до предела, Се Чжуй поднял голову.

Вода стекала по его щекам и телу, он взял лежащее рядом тонкое полотенце и вытер ноющие, опухшие глаза.

Когда Се Чжуй оделся и вышел из ванной, Сяо Шань сидел в соседней комнате. Увидев, что волосы Се Чжуйя мокрые, он подошел, взял сухое полотенце, висевшее на ширме, и лично начал вытирать ему волосы.

Се Чжуй хотел отказаться, так как ему было непривычно столь близкое общение, к тому же, на границе у него редко было время высушить волосы, и он давно привык к тем грубым и поспешным дням.

Но в конце концов он тихо сел, позволяя Сяо Шаню делать своё дело.

Оба молчали, слышался только тихий шорох вытираемых волос.

Однако мокрые волосы, как их ни три, могли высохнуть только наполовину.

Сяо Шань отложил тонкое полотенце и сказал: «Когда волосы полностью высохнут, я отведу тебя в храм Аньтай».

Се Чжуй был поражен: «Ваше Высочество верит в Будду?»

Сяо Шань, подумав, сказал: «Вообще-то, нет».

Се Чжуй: «...» Не верит в Будду, зачем тогда идти в храм?

Сяо Шань разъяснил ему: «Поставить благовония».

Се Чжуй: «...» Не верит в Будду, но все равно ставит благовония — что это за странная привычка?

Сяо Шань улыбнулся и ничего больше не сказал.

Се Чжуй тоже не спрашивал. Когда его волосы почти высохли, они собрались и отправились в храм Аньтай.

Прибыв на место, Сяо Шань зажег благовония, а затем пожертвовал немного денег на благодеяния.

Закончив это, он положил несколько мелких серебряных монет в руку Се Чжуй: «Раз уж пришел, ты тоже поклонись. Я пройду, а потом приду за тобой».

Се Чжуй крепко сжал серебро в руке, наблюдая, как тот уходит. На самом деле, он тоже не верил в Будду, но в конце концов он повернулся и опустился на колени перед статуей Будды.

По сравнению с небрежностью Сяо Шаня, он выглядел гораздо более набожным.

Пять лет назад, двадцать шестого марта, все знали, что его дед, Се Чжун, пал в битве, а отец пропал без вести и до сих пор его местонахождение неизвестно. Но никто не знал, что его старший брат, Се Чэнь, ослеп от отравления. Они с Се Чэнем были близнецами, и изначально они были немного похожи, за исключением того, что у него была киноварная родинка между бровями, а у Се Чэня не было.

Видя, что Северная граница вот-вот погрузится в хаос, а семья Се рухнет, он рискнул жизнью, выдавая себя за Се Чэня, и вступил в армию, отправившись на поле боя.

В первый раз, когда он убивал, он не боялся, у него не было выхода. Ему оставалось только стиснуть зубы и продолжать.

На поле боя мечи не имели глаз, и никто не знал, кто умрет, а кто выживет, но те, у кого не было пути назад, могли только стиснуть зубы и держаться.

По подсчётам, сегодня была годовщина смерти его деда, Се Чжуна.

Се Чжун был похоронен на Северной границе. А Се Чжуй, будучи герцем, вышел замуж за князя Ли, и в императорской семье было много правил, из-за чего он не мог найти подходящего места для поминовения Се Чжуна. Он упражнялся в поместье князя, также желая воспользоваться случаем, чтобы выпустить накопившееся раздражение и устать физически, чтобы не думать о том, что это за день. Он уже решил тайно найти место и поклониться в направлении Северной границы.

А теперь, в этом огромном храме, появились все возможности это сделать. Он мог тосковать по деду, мог молиться Будде о защите и благополучии Се Чэня, молиться о скорейшем нахождении отца, Се Суя. Ведь нужно увидеть человека живым, а если мертв – то его тело.

Руки Се Чжуй были обагрены кровью, и он не знал, отвергнет ли его Будда. Но он всё равно

преклонил колени и искренне молился, искренне просил.

После того как Се Чжуй встал, он положил все серебро из рук в ящик для пожертвований. Выйдя из главного зала, он увидел Сяо Шаня, стоявшего под османтусом со скучающим выражением лица.

Он подошел и сказал Сяо Шаню «спасибо». Он думал, что кроме него никто не вспомнит о той дате, но не ожидал, что Сяо Шань не только помнит, но и выбрал для него место.

Се Чжуй никогда не боялся боли, не боялся, что его будут обижать, но он боялся, когда к нему хорошо относились.

Се Чжуй шаг за шагом подошел к Сяо Шаню, а затем поблагодарил его.

Сяо Шань небрежно ответил: «Войти в храм, поставить благовония, поклониться Будде – это то, что ты сам захотел сделать, зачем меня благодарить?»

Се Чжуй промолчал, но упорно смотрел на него.

Сяо Шань на мгновение замер, затем медленно произнёс: «На самом деле, я зажёл здесь вечную лампу для человека. Сегодня как раз годовщина зажигания лампы, поэтому я пришёл взглянуть».

Сяо Шань, опасаясь, что Се Чжуй не поверит, добавил: «Это правда, та вечная лампа была зажжена для меня самого».

Се Чжуй остолбенел, его глаза были полны недоумения, он не понимал, зачем Сяо Шань зажёл вечную лампу для себя?

—

<http://bllate.org/book/14491/1282501>